

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ V № 3

15-го Января 1889 г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Подписная цѣна съ дост. въ Петербургъ и перес. въ города: съ премією и приложеніями на годъ 6 р.; безъ преміи и приложеній на годъ 5 р.; на полгода 3 р.; на мѣсяць 50 к. Годовая цѣна за границую 8 р. Отдѣльные №№ 15 к.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Русскаго Паломника», Владимірскаго проспекта, д. № 13, кв. № 8.

Объявленія для напечатанія въ журналъ принимаются съ платою по 20 коп. за мѣсто, занимаемое одною строкою текста съ $\frac{1}{2}$ ширины страницы.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ непременно прилагать прежній печатный адресъ и 3 семикопѣчныя марки.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ III.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна.

нами двѣица дней хотя десять, потомъ пойдешь». Но какъ Еліезеръ настаивалъ, то они обратились къ Ревеккѣ и сказали ей: «Пойдешь ли съ этимъ человѣкомъ?» Она отвѣчала: «Пойду.» И они не стали противиться. Ревекка отправилась съ людьми Еліезера и взяла съ собою своихъ прислужницъ и кормилицу свою Деввору. Прощаясь съ ней, родные пожелали ей всякаго счастья. «Сестра наша, да родятся отъ тебя тысячи тысячъ и да владѣть потомство твое жилищами враговъ твоихъ!» Ревекка и служанки ея сѣли на верблюдовъ и поѣхали за Еліезеромъ, который спѣшилъ возвратиться домой.

Наступила минута, когда они подъѣзжали къ Вирсавіи. Между тѣмъ, въ этотъ самый день къ вечеру, Исаакъ вышелъ въ поле поразмыслить. Вдругъ онъ видитъ издали возвращающагося Еліезера съ спутниками. Ревекка съ своей стороны увидѣла Исаака и спросила: «Кто этотъ человѣкъ, который идетъ по полю на встрѣчу намъ?» Еліезеръ сказалъ: «Это господинъ мой». Тотчасъ же она сошла съ верблюда и надѣла на себя покрывало. Еліезеръ сообщилъ Исааку объ исходѣ своего посольства. Исаакъ принялъ Ревекку какъ жену и ввелъ ее въ шатеръ Сарры матери своей, чтобы показать безъ сомнѣнія, что онъ нашелъ въ своей супругѣ то, что любилъ и что смерть похитила въ лицѣ его матери. Въ самомъ дѣлѣ, его горестъ и скорбь по матери, продолжавшаяся три года, была смягчена любовью къ Ревеккѣ.

Такъ кончилось посольство добраго Еліезера. Кого не тронетъ дружеское довѣріе, которое господа питали тогда къ своимъ служителямъ, и полная любви вѣрность служителей къ своимъ господамъ? И не смотря на крайнее различіе нашихъ привычекъ и утонченность нашего просвѣщенія, можно ли не любить этихъ людей древности, которыхъ простота такъ трогательна, а благородство и доблести такъ чужды всякой наружной пышности?

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ РУССКИХЪ ЗАХОЛУСТІЙ.

Отецъ Іакинѣвъ Примусовъ.

(Очеркъ изъ жизни русскаго духовенства).

I.

БЫЛЪ конецъ мая; я ѣхалъ въ ясную, но свѣжую ночь по гладкой, узкой дорожкѣ одного изъ южныхъ сибирскихъ трактовъ и, растянувшись во всю длину на сѣнѣ, набросанномъ въ тарантасѣ, сладко дремалъ, закутавшись въ теплый пледъ и покрывшись мягкимъ тулупомъ изъ киргизской овчины, какъ вдругъ былъ разбуженъ сильнымъ сотрясеніемъ, за которымъ слѣдовалъ ударъ, заставившій меня согнуться въ три погібели и очутиться подъ козлами моего возницы. Оглушенный, испуганный, я не безъ труда поторопился вылѣзти на свѣтъ Божій и увидѣлъ картину полного разрушенія: гдѣ-то вдали мелькали тѣни лошадей, унесшихся вмѣстѣ съ оторваннымъ передкомъ; на землѣ возлѣ тарантаса лежалъ сорвавшійся съ него верхъ, а впереди него валялись мой чемоданъ, подушка и сундукъ, въ которомъ были тщательно уложены фотографическій аппаратъ и небольшая походная лабораторія для путевыхъ научныхъ наблюдений.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣла, убѣдясь, что мой ящикъ, неистово тировавшій и бранившійся гдѣ-то вдали, живъ

и здоровъ, я обратился къ собственной персонѣ и къ удовольствію увидѣлъ, что кромѣ небольшой ссадины на колѣнѣ я не имѣлъ никакихъ поврежденій и находился въ вождѣльномъ здоровіи. Посидѣвъ нѣсколько минутъ на развалинахъ своего тарантаса, я на всякій случай перетащилъ свои вещи на травку луга, по которому проходила дорога, свалилъ туда же бывшее въ тарантасѣ сѣно и, закутавшись и подтиснувъ подъ голову подушку, растянулся вновь во весь ростъ, рѣшившись дожидаться возвращенія ящика или скорого разсвѣта. Спать не хотѣлось, и я старался ознакомиться съ окружающею меня мѣстностью, насколько мнѣ позволяли сумерки свѣтлой майской ночи.

Я лежалъ на обширномъ плоскомъ пространствѣ, покрытомъ сплошною травой; я находился въ началѣ Зауральскихъ степей, тѣхъ необозримыхъ степей, которыя, начинаясь у подножья мощнаго Уральскаго хребта, тянутся вплоть до китайской границы, прерываемыя только быстрыми рѣками, стремящимися изъ горъ къ Иртышу и Оби, да этими двумя громадными артеріями Западной Сибири. Прямая линія горизонта отдѣляла эту безконечно далекую равнину отъ небеснаго свода, озареннаго таинственнымъ сѣровато-лиловымъ полусвѣтомъ весенней ночи; на ясномъ, безоблачномъ небѣ свѣтились блѣдныя звѣздочки. На восточной сторонѣ небосклона, ближе къ горизонту, небо свѣтилось рѣзкимъ свѣтло-зеленымъ свѣтомъ, какъ будто оно было освѣщено зеленымъ бенгальскимъ огнемъ апоэозовъ балетныхъ спектаклей, а самый горизонтъ горѣлъ пламенемъ раскаленнаго уголька, которое кое-гдѣ прерывалось темносиними черточками отдаленныхъ облачковъ; среди этого огонька весенней зари выдавался черный, непонятный предметъ въ видѣ конуса, продолжающагося въ высокой шпиль; этотъ предметъ отчетливо вырисовывался на горизонтѣ.

Уже стало совсѣмъ свѣтло, уже солнце выглянуло однимъ краемъ изъ-за горизонта, когда я услышалъ фырканье лошадей и голоса, о чемъ-то жарко бесѣдовавшие, среди которыхъ я узналъ голосъ, и моего ящика. Вскорѣ ко мнѣ подъѣхала телѣга, которою правилъ высокій стройный старикъ въ шляпѣ гречневикомъ, въ желтомъ армякѣ изъ верблюжьяго сукна и сѣрыхъ валенкахъ, голенища которыхъ были испещрены красными и черными четверугольниками; въ телѣгѣ сидѣлъ ящикъ съ молодымъ быстроглазымъ парнемъ лѣтъ 20; они держали въ рукахъ поводья, за которыми слѣдовали съ послушнымъ и виноватымъ видомъ коренникъ, запряженный въ злополучный передокъ, и двѣ пристяжныя, опустившія свои головы, униженно смотрѣвшія на своего повелителя и безпрестанно мигавшія своими умными выразительными глазами.

— Ну, баринъ, счастливъ ты, хранить тебя Господь,—обратился ко мнѣ старикъ; — мы думали, что ты либо расшибся, либо повредилъ себѣ что, а онъ, глянь, разгуливаетъ себѣ да пѣсенки распѣваетъ.

Я, дѣйствительно, со скуки напѣвалъ какой-то изъ вспомнившихся мотивовъ.

— Спасибо, добрый дѣдушка, за ласковое слово,—отвѣчала я, и обратившись къ ящику, прибавилъ:—а ты, злодѣй этакій, что же меня позабылъ, вѣдь я здѣсь почти три съ половиной часа одинъ сижу?

— Не осуждай его, баринъ,—заступился старикъ,—онъ, бѣдный, до самаго нашего села бѣгомъ добѣжалъ, вѣдь это безъ малаго пять верстъ будетъ; да спасибо еще, мы услышали колокольчикъ, выбѣжали съ внукомъ на улицу, загнали его коней во дворъ, а то искать бы ему лошадей у добрыхъ людей, у башкира узкоглазаго или киргиза нехристя.

Послѣ осмотра тарантаса, изъ котораго выяснилось, что старый шкворень, на которомъ держался передокъ, сломался въ то время когда нашъ экипажъ попалъ на большой камень, лежавшій на одной сторонѣ дороги, было рѣшено, что тарантасъ къ дальнѣйшему путешествію не годится, ящикъ и молодой парень остались около тарантаса, а я съ дѣдушкой Матвѣемъ сѣлъ на его телѣгу и поѣхалъ съ нимъ въ село.

— А далеко ли твое село, дѣдушка?—спросилъ я его.

— Да вонъ видишь, родимый, колокольню-то изъ-за пригорка,—отвѣтилъ старикъ, указывая на тотъ таинственный предметъ, который смутилъ меня ночью.

Изъ разспросовъ старика я узналъ, что дорога проходитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки Міяса, одной изъ тѣхъ рѣкъ, которыя, вырвавшись изъ угрюмыхъ утесовъ старика Урала, игриво и весело бѣгутъ по зеленымъ степямъ его восточнаго подножія, разливаясь на цѣлые десятки рукавовъ и чуть не ежегодно измѣняя свое русло. До села по прямому

Три женщины Виллема.

направленію было не болѣе 300 сажень, но оно отдѣлялось отъ равнины, по которой шла дорога, длиннымъ, узкимъ озеромъ, остаткомъ стараго русла рѣки. вслѣдствіе чего приходилось дѣлать почти пятиверстный объѣздъ.

— А какъ называется ваше село, дѣдушка?—спросилъ я старика.

— Да не хорошо зовется-то оно, родимый,—«Грязищевымъ». Его еще дѣды наши прозвали приказывалъ намъ, было еще при царѣ Николаѣ, исправникъ звать его Благовѣщенскимъ, по престолу, значить, по храму, да мы по простотѣ, все по старому, Грязищево, да Грязищево, такъ Грязищевымъ и осталось. Да и стоитъ оно такого имени, потому осенью или весной у нашего села такая грязь что, кажись, на всемъ свѣтѣ такой не отыщешь: недѣли три, почитай, ни въѣзда къ намъ, ни отъ насъ въѣзда не бываетъ, особливо около праздника нашего престольнаго.

Названіе села «Грязищево» показалось мнѣ знакомымъ. Гдѣ слышалъ я это названіе?—думалъ я; Грязищево... Грязищево,—мысленно повторялъ я — это названіе мнѣ очень знакомо. Ба! вспомнилъ я: о Грязищевѣ говорилъ мнѣ нашъ профессоръ механики: онъ рассказывалъ мнѣ, что тамъ живетъ феноменъ, сельскій священникъ, занимающійся теоретическою механикою и публикующій свои труды въ нашихъ лучшихъ специальныхъ изданіяхъ.

Желая провѣрить себя, я спросилъ старика, есть ли у нихъ священникъ и каковъ онъ.

— Какъ же, батюшка, такому приходу какъ нашъ, да безъ пона быть; пошъ есть, да еще какой, ученый-преученый, все время сидитъ, цифры какія-то пишетъ, да планы рисуетъ; слышно, ему за это отъ самого Царя изъ Петербурга почеть большой былъ, въ какіе-то члены, сказываютъ, его назначили.

Не сомнѣваясь болѣе въ справедливости моихъ соображеній, я, желая вспомнить имя столь заинтересовавшаго меня священника, спросилъ старика, какъ зовутъ батюшку.

— Акинѳой, родимой, отцомъ Акинѳой зовемъ его, ну, а фамиліи-то не скажу, потому трудна очень и запоматывалъ ее притомъ.

— Ну, а фамилію я тебѣ скажу, дѣдушка,—перебилъ я его, вспомнивъ фамилію Грязищевского священника;—вашего батюшку зовутъ отцомъ Іакинфомъ Примусовымъ, и знаютъ про него далеко, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и вездѣ дивятся, какъ это онъ, сидя въ такой труппѣ, наукой занимается, да слышно, и другихъ уму-разуму наставляетъ.

На этомъ разговоръ нашъ прервался, такъ какъ предъ нашими глазами представилась очаровательная картина. Плоская равнина какъ будто раскололась; широкая и глубокая трещина служила ложемъ для прихотливой рѣки, блестящей своими многочисленными рукавами среди густой, темной зелени зарослей, выполнявшихъ собою всю долину, имѣющую въ этихъ мѣстахъ до двухъ верстъ въ ширину; отвѣсные берега трещины то мрачно темнѣли своими гранитными утесами, то привѣтливо манили своими свѣтло-желтыми песчаными обрывами, смотрящимися въ быстрыя, чистыя и холодныя воды рѣки; кое-гдѣ среди широкой долины возвышались холмики, на которыхъ располагались деревни, спасаясь отъ весеннихъ половодій.

На одномъ изъ такихъ холмиковъ, выдающемся своею высотой среди окружающихъ пригорковъ и сосѣднемъ съ тою равниной, по которой проходила роковая для меня дорога, возвышалась красивая бѣлая каменная церковь съ высокою шатровою колокольней, оканчивающеюся высокимъ шпилемъ, а у подножія холма, среди роскошныхъ полей и огородовъ, разбросалось большое богатое село Грязищево. Нѣсколько поодаль села, по другую сторону церкви, кокетливо выглядывала изъ зелени красная желѣзная крыша домика священника, за которымъ тянулася до самой рѣки густой, привѣтливый садъ.

Когда мы спустились съ крутаго берега долины, раздался звонкій ударъ колокола, за которымъ послѣдовалъ благовѣстъ.

— Вотъ видишь, баринъ, какой ты счастливый,—замѣтилъ Матвѣй,—словно ждали тебя, съ благовѣстомъ встрѣчаютъ.

Въ село, благодаря провалившемуся на одномъ изъ ручейковъ мосту, приходилось въѣзжать съ той стороны на которой находился домъ священника. Лишь только поравнялись мы съ этимъ домомъ, какъ на дорогу проворно выбѣжала крошечная, худая какъ сухарь старушка, которая закричала удивительно тоненькимъ дискантомъ: «Что это вы мимо насъ проѣзжаете? Батюшка ни за что не потерпитъ, чтобы кто-нибудь изъ господъ да не у него остановился, а тѣмъ болѣе при такомъ дорожномъ случаѣ.»

Какъ я ни отговаривался отъ любезнаго приглашенія, все-таки въ концѣ концовъ я былъ принужденъ сдаться и чрезъ минуту уже находился въ скромномъ домикѣ сельскаго священника.

(До слѣд. №).

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.

Совѣсть. Всюду, своимъ смущеніемъ и тайными угрызениями, мы воздаемъ честь святости нарушаемой нами добродѣтели. Всюду осадокъ тоски и скорби, неразлучный съ преступленіемъ, даетъ намъ чувствовать, что порядокъ и невинность составляютъ единственное счастье, предназначенное намъ на землѣ. Тщегно рисуемъ мы суетнымъ безстрашіемъ, преступная совѣсть всегда выдаетъ сама себя. Жестокій страхъ всегда предшествуетъ намъ; уединеніе смущаетъ насъ, тѣма пугаетъ. Намъ представляется, будто со всѣхъ сторонъ возстаютъ призраки, всегда упрекающіе насъ въ скрытомъ нечестіи нашей души. Страшныя сновидѣнія наполняютъ насъ мрачными образами, и преступленіе, къ которому мы стремимся съ такимъ наслажденіемъ, гонится потомъ за нами, какъ хищный коршунъ, и впиивается въ насъ, чтобы терзать наше сердце и карать насъ за наслажденіе, которое оно само же намъ доставило. (Массильонъ).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Русская церковная лѣтопись.

Распоряженія по духовному вѣдомству.—Преосв. Іосифъ, еп. Владикавказскій, согласно просьбѣ его, по совершенно разстроенному здоровью, уволенъ на покой, а на его мѣсто переведенъ преосв. Петръ, еп. Сумскій, викарій Харьковской епархіи.

. Богородицкая Лѣснинская женская община, въ Холмскомъ краѣ, возведена въ достоинство первокласснаго женскаго монастыря. Высочайшая благодарность.—Его Императорское Величество Государь Императоръ Всемиловѣйше соизволилъ выразить Свою Высочайшую благодарность причту С.-Петербургскаго Адмиралтейскаго собора съ настоятелемъ протоіереемъ Доримедонтомъ Поповицкимъ во главѣ за благочестивое ихъ желаніе устроить въ Адмиралтейскомъ соборѣ придѣлъ во имя пророка Осіи въ память чудеснаго событія и явленія милости Божіей къ Царствующему Дому 17-го октября 1888 года.

Храмы и обители.—Въ с. Бодби, въ Грузіи, недавно открыта женская обитель при мѣстномъ древнемъ храмѣ, служащемъ усыпальницею св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Настоятельницею новой обители назначена монахиня Московскаго Страстнаго монастыря Ювеналія.

. На дняхъ законченъ въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, вишней отдѣлкой храмъ Христа Спасителя, построенный иждивеніемъ графа А. С. Апраксина. Храмъ этотъ построенъ по объѣту послѣ громаднаго пожара въ 1862 году и стоитъ около 100.000 руб. Церковь очень красива. Въ первомъ этажѣ устроена часовня—копія съ часовни Гроба Господня въ Иерусалимѣ, а во второмъ—церковь, облицованная внутри мраморомъ. Въ смежномъ флигелѣ помѣщаются школа для мальчиковъ и дѣвочекъ и пріютъ.

Новое Общество.—Въ Петербургѣ учреждается

новое общество, на подобіе Московскаго общества хоругвеносцевъ, подъ именемъ „Общества ревнителей благолѣпія крестныхъ ходовъ въ Петербургѣ“. Цѣль общества, по проекту учредителей, — „по мѣрѣ средствъ содѣйствовать православному столичному духовенству въ дѣлѣ устройства возможно благолѣпныхъ крестныхъ ходовъ въ столицѣ, производящихъ и въ настоящемъ ихъ видѣ огромное впечатлѣніе на православныхъ, и что еще важнѣе—на иновѣрцевъ“.

Юбилей святителя.—Осенью исполнится 50 лѣтъ служенія высокопреосвященнаго Никандра, архіепископа Тульскаго и Бѣлевскаго. Послѣ высокопреосвященныхъ митрополитовъ Новгородскаго и С.-Петербургскаго Исидора и Кіевскаго Платона, архіепископъ Никандръ — старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ.

Полезная мѣра.—Екатеринбургскимъ епарх. начальствомъ сдѣлано распоряженіе объ обязательныхъ посадкахъ листовыхъ деревьевъ вокругъ церквей, въ видахъ огражденія послѣднихъ отъ пожаровъ, а также и въ видахъ гигиеническихъ. Объ исполненіи этого распоряженія благочинные должны были донести въ концѣ мая текущаго года.

Православное миссіонерство.—Въ непродолжительномъ времени въ прибалтійскихъ губерніяхъ будутъ введены русскія наименованія православныхъ приходовъ. Духовное начальство рижской епархіи обратило особое вниманіе на такъ называемыхъ «полувѣрцевъ», число которыхъ весьма значительно во всемъ Прибалтійскомъ краѣ и въ Эстляндіи особенно. Несомнѣнно при-

немало хлопотъ трудолюбивымъ и гостепріимнымъ старцамъ. Въ концѣ нашего пребыванія, по обыкновенію, намъ предложили двѣ книги: одну для записи на поминъ души, а другую памятную книгу, въ которой сохраняются собственноручныя подписи посѣтителей монастыря. Въ этихъ подписяхъ на память большинство только означаетъ время своего посѣщенія, имя, отчество и фамилію. Изрѣдка только попадаются записанными или впечатлѣнія путника, или благожеланія какъ монастырю, такъ и всему паломничеству, или Святой Землѣ.

Въ 4-мъ часу выѣхали мы къ Іерихону, а въ 7-мъ вечера, на закатѣ солнца, были уже въ этомъ городѣ. Пользуясь малымъ свѣтлымъ временемъ, я успѣлъ посѣтить въ Іерихонѣ домикъ или лучше маленькую усадьбу нашей соотечественницы А. Д. Богдановой, о которой я уже упоминалъ. Самой Богдановой дома не было,—она уѣхала въ монастырь Георгія Хозевита, но при этой усадьбѣ всегда живутъ двѣ полумонашенки, какъ бы послушницы, родомъ изъ Казанской губерніи, очень радушно принявшія насъ. Въ этой усадьбѣ есть особая комната и для патріарха Іерусалимскаго. Въ саду роскошная растительность, не уступающая растеніямъ сада Антоніадеса въ Александріи. Очень жалѣю, что по недостатку времени, а особенно по ложному увѣренію о дальности, я не могъ посѣтить земли съ постройками, подаренной въ Іерихонѣ Православному Палестинскому Обществу о. Іоасафомъ. А этотъ клочекъ земли, говорятъ, интереснѣе усадьбы А. Д. Богдановой.

Въ 12 часовъ ночи, послѣ пятичасоваго отдыха въ Іерихонѣ и укрѣпленія себя пищею и чаемъ, мы двинулись къ Іерусалиму, въ надеждѣ до жаркаго утренняго времени т. е. до 8 часовъ добраться до Св. Града. Кавасъ насъ оставилъ еще въ Іерихонѣ и уѣхалъ съ тремя изъ нашихъ спутниковъ показывать Мертвое море, монастырь Георгія Хозевита и Сорокадневную гору. А мы по старой памяти, на зарѣ, въ сопровожденіи однихъ погонщиковъ, торопились въ Іерусалимъ. Да, признаться, и такъ надоѣло намъ сидѣть на ослиатахъ, а идти было еще хуже.

Первое, что мы на обратномъ пути, подъѣзжая къ Іерусалиму, увидели,—это Антониновскую башню—колокольню на Елеонѣ, которая какъ-то радостно привѣтствуетъ утомленнаго русскаго путника. Ободрившись въ виду скорого отдыха, мы стали живѣе подниматься на Елеонъ, чтобы спуститься съ него къ Іерусалиму. Тутъ на пути мы, между прочимъ, видѣли источникъ воды, постоянно струящейся, которую однако запрещаютъ пить людямъ и даже животнымъ вслѣдствіе множества мельчайшихъ пиявокъ, водящихся въ этой водѣ, которыя, попавши въ желудокъ, могутъ причинять сильныя болѣзненные припадки и даже смерть.

При подъемѣ-же направо, мы видѣли стоящую на горѣ деревню Лазаріе, древнюю Виѳанію. Она состоитъ изъ немногихъ каменныхъ невзрачныхъ домиковъ въ восточномъ вкусѣ. Гробница Лазаря во власти католиковъ и содержится неособенно опрятно. Къ тому же возникаетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли на этомъ мѣстѣ была Виѳанія и пещера Лазаря умершаго. Быть можетъ, да это и вѣроятнѣе, что мѣстность древней Виѳаніи нынѣ застроена монастыремъ, воздвигнутымъ архимандритомъ Ильинской обители на пути къ Виѳеему.

Наконецъ, перемученные, усталые, мы къ несказанной своей радости вернулись домой въ началѣ 8 часа утра. Это путешествіе, совершенное въ іюнѣ мѣсяцѣ, подъ страшнымъ зноемъ, было самымъ труднымъ изъ всѣхъ, нами въ теченіи этого мѣсяца предпринятыхъ. А мы были 2 раза у дуба Мамврійскаго,

2 раза въ Виѳеемѣ, 2 раза въ Горней, такъ что въ теченіи мѣсяца Господь сподобилъ меня совершать Св. Литургію развѣ пятнадцать.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЗАХОЛУСТІЙ.

Отецъ Іакинѣвъ Примусовъ.

(Очеркъ изъ жизни русскаго духовенства).

(Продолженіе).

СТАРУШКА Аксинья Семеновна, дальняя родственница и домоправительница отца Іакинѣва, въ пять минутъ успѣла сообщить мнѣ, что отецъ Іакинѣвъ служилъ сорокоустъ, заказанный ему по случаю смерти одного изъ прихожанъ—торговцевъ; рассказала мнѣ, сколько дѣтей осталось послѣ покойника, какое было у него состояніе, пожаловалась на то, что такіе богатые люди дали очень мало за сорокоустъ и что отецъ Іакинѣвъ не умѣетъ прихожанъ въ рукахъ держать; словомъ, въ пять минутъ я чуть не зналъ біографіи доброй половины населенія прихода. Заболтавшаяся старушка прервала свою рѣчь на полусловѣ возгласивъ: «Ахъ, что же я, про самоваръ-то и забыла», и быстро выбѣжала изъ комнаты.

Я воспользовался ея отсутствіемъ, чтобы выйти изъ душной комнаты на свѣжій весенній воздухъ и въ ожиданіи появленія хозяина сталъ разсматривать окружающіе меня растительность, постройки, предметы. Уже по одному виду построекъ, двора и сада, можно было прійти къ заключенію, что хозяинъ дома рѣзко отличается отъ обыкновеннаго типа сельскихъ священниковъ. Во всѣхъ домахъ посѣщенныхъ мною сельскихъ священниковъ видны были на первомъ мѣстѣ домовитость, хозяйственность; дома ихъ не поражали ни красотой, ни изяществомъ, за то надворныя постройки были безукоризненны; прочные амбары, теплые скотные дворы, неуклюжіе, но не пропускающіе ни одной капли дождя навѣсы, сытыя лошадки, веселыя и здоровыя коровы, все это вмѣстѣ производило на меня впечатлѣніе умѣнья хозяйничать и любви къ этому дѣлу.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производила усадьба отца Іакинѣва. На обширныхъ, но ветхихъ надворныхъ постройкахъ, доставшихся ему отъ его предшественника, лежала печать разрушенія; по двору ходила старая лошадка, подбиравшая скудную травку, пробивавшуюся кое-гдѣ среди вытоптаннаго двора; въ полуотворенную дверь скотнаго двора виднѣлась маленькая телка, стоявшая на сухомъ земляномъ полу; старая, потрескавшаяся телѣжка стояла посреди двора, подвергаясь всѣмъ неблагоприятнымъ вліяніямъ атмосферы. Но за то домикъ отца Іакинѣва и садъ его указывали на его любовь къ изящному, на присущее ему стремленіе къ поэзіи. Его небольшой каменный бѣленькій домикъ былъ весь обвитъ зеленью дикаго винограда, сквозь которую ярко выдѣлялись бѣлыя пятна штукатурки; красная крыша, изъ-за которой высились громадныя темнозеленыя сосны, удивительно гармонировала съ этимъ моремъ зелени; предъ домикомъ былъ разбитъ садикъ, въ которомъ пестрѣли всѣми цвѣтами спектра свойственные флорѣ Зауральскихъ степей тюльпаны, лиліи, ирисы, царскія кудри, піоны.

Я залюбовался этою картиной, и мысли мои невольно перенеслись къ далекой родинѣ, къ милой Москвѣ, къ дорогимъ, любимымъ лицамъ; что-то защемило на сердцѣ, на глазахъ появились слезы; я облокотился на перила крыльца и погрузился въ глубокую думу, изъ которой вывелъ меня густой привѣтливый голосъ, ласково спросившій: «Не правда ли, недурной уголокъ?»

Я обернулся и увидѣлъ высокую фигуру священника, державшаго въ одной рукѣ большой пастырскій жезлъ, который теперь столь рѣдко встрѣчается у нашего духовенства, а другою приподнимавшаго большую темную соломенную шляпу. Я быстро сошелъ съ крыльца и подошелъ подъ благословеніе.

Перекрестивъ меня, отецъ Іакинѣвъ сказалъ своимъ густымъ басомъ: «прошу пожаловать», и плавнымъ движеніемъ руки указалъ на входную дверь. Войдя въ переднюю, мой хозяинъ сталъ раздѣваться, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы бросить взглядъ на него. Отецъ Іакинѣвъ былъ довольно высокаго роста, но фигура его не была стройною; ее особенно портили сутуловатыя плечи, благодаря которымъ его голова была нагнута немного впередъ. Лицо его нельзя было назвать красивымъ: большой горбатый носъ совсѣмъ не гармонировалъ съ выдающимися скулами; густыя темнорусыя брови, нависшія надъ глазами, также не соответствовали ни свѣтло-сѣрому цвѣту глазъ, ни ихъ узкому разрѣзу, но за то ласковая улыбка его небольшого, красиваго рта, выраженіе ума и добра—придавали его лицу такой прелестный видъ, что имъ можно было любоваться безъ конца.

Послѣ обычныхъ за стаканомъ чая разспросовъ о цѣли моей поѣздки, о частностяхъ случившагося мной приключенія и т. п., отецъ Іакинѣвъ предложилъ мнѣ проѣхать вмѣстѣ съ нимъ на одинъ изъ острововъ рѣки Міаса, обѣщая показать мнѣ кое-что весьма интересное для меня и, быть-можетъ, совпадающее съ задачами моей поѣздки. Черезъ десять минутъ мы уже сидѣли въ покойной старой телѣжкѣ, и заслуженный гнѣдко не торопясь везъ насъ по дорожкѣ къ броду черезъ рукавъ рѣки. Во время пути отецъ Іакинѣвъ не былъ разговорчивъ; изрѣдка онъ какъ-то съ боку поглядывалъ на меня, и на лицѣ его появлялась задумчивая, симпатичная улыбка.

Но вотъ мы переѣхали черезъ рукавъ, взобрались на пригорокъ, и предъ нашими глазами предсталъ обширный могильникъ изъ цѣлой сотни кургановъ, посреди которыхъ высился громадный курганъ, обвалившійся съ одной стороны и какъ будто горестно поникшій головой на эту сторону.

— Вотъ могильникъ, такъ могильникъ! воскликнулъ я;—я былъ бы вполне счастливъ, еслибъ имѣлъ возможность раскопать его и изслѣдовать!

— Это зависитъ только отъ васъ,—отвѣчалъ отецъ Іакинѣвъ,—оставайтесь у меня до окончанія раскопокъ, я вамъ доставлю и рабочихъ, и заступы, и все что вамъ будетъ нужно, только поживите со мной мѣсяць, другой, не отказывайтесь отъ моего общества.

Послѣ недолгихъ колебаній, я согласился, и отецъ Іакинѣвъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку, поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Не можете представить себѣ, какое нравственное наслажденіе доставили вы мнѣ своимъ согласіемъ.

Вернувшись домой, мы, какъ старые, сжившіеся давно друзья, принялись каждый за свое дѣло—я, водворившись въ приготовленную для меня заранѣе гостиную, гдѣ хлопотунья Аксинья Семеновна устроила мнѣ цѣлое сооруженіе изъ перинъ и подушекъ, занялся приведеніемъ въ порядокъ своего багажа, значительно пострадавшаго отъ крушенія; отецъ Іакинѣвъ засѣлъ въ сосѣдней комнатѣ за свой самодѣльный, некрашенный, дубовый столъ и съ циркулемъ въ рукѣ привился за построеніе какого-то сложнаго геометрическаго чертежа. Время быстро пролетѣло въ нашихъ занятіяхъ, и мы не успѣли оглянуться какъ раздался звонкій голосъ крошечной старушки: «Довольно тебѣ, пошь, твоими цифрами-то заниматься, садись ѣсть, да и гостя зови». Послѣ этого было слышно какое-то шептанье, изъ котораго я услышала жалобныя дискантовыя ноты Аксиньи Семеновны, повидимому, огорченной невозможностью пріобрѣсти водки къ обѣду, да бархатный голосъ отца Іакинѣва, успокаивавшаго разгоряченную старушку и говорившаго: «ну, что же дѣлать, на вѣтъ и суда вѣтъ».

Столъ былъ накрытъ въ той комнатѣ которая служила кабинетомъ отцу Іакинѣву и гдѣ онъ занимался своими вычисленіями; это была большая комната, стѣны которой были окрашены свѣтло-голубой краской. Въ переднемъ углу висѣлъ старин-

ный кіотъ краснаго дерева, со множествомъ иконъ; предъ нимъ стоялъ небольшой самодѣльный напой, покрытый грубымъ, но красиво вытканымъ полотенцемъ, на которомъ лежала Библия въ старинномъ кожаномъ переплетѣ; по одной стѣнѣ были развѣшены портреты Царской Фамиліи, митрополитовъ Филарета, Макарія и Платона Московскихъ, по другой висѣли портреты нашихъ писателей классиковъ, вмѣстѣ съ портретами математиковъ Остроградскаго, Перевощикова, Буняковского и Давидова; на двухъ стѣнахъ красовалось собственноручное привѣтствіе оригиналовъ. Въ углу противоположномъ святому стоялъ футляръ съ громадными часами, ударъ маятника которыхъ напоминалъ стукъ молотка по шляпкѣ гвоздя; возлѣ часовъ висѣлъ большой, неуклюжіи судовой ртутный барометръ англійской работы, къ которому были прилажены гигроскопъ и градусникъ; по другую сторону часовъ висѣли линейка, лекала и другіе чертежные снаряды. Посрединѣ комнаты стоялъ большой круглый обѣденный столъ, накрытый на семь приборовъ, въ центрѣ стола стояли два большіе кувшина и графинъ съ водой. Почти одновременно съ нами черезъ другую дверь вошли—молодая женщина, изумительно похожая на отца Іакинѣва, и двѣ дѣвочки лѣтъ десяти.

— Прошу познакомиться,—сказалъ отецъ Іакинѣвъ;—мои дочери, Марья Іакинѣовна Глоріоритская, супруга землемѣра, и мои дочурки Сарра и Елизавета.

Вслѣдъ за дѣтми вошелъ и зять хозяина, молодой человекъ лѣтъ 25, страшно загорѣлый, съ небольшими черными усиками и еле пробивающагося бородкой. Онъ являлся полнымъ контрастомъ какъ своей супругѣ, такъ и ея сестрамъ: тогда какъ дочери отца Іакинѣва вошли съ опущенными глазами, страшно конфузясь и стѣняясь присутствіемъ посторонняго человѣка, г. Глоріоритскій вошелъ въ комнату небрежною походкой съ развалкой; вертя въ лѣвой рукѣ хлыстикъ, онъ протянулъ мнѣ правую, шаркнувъ своими тощими ногами, одѣтыми въ охотничьи сапоги, и громко сказавъ какимъ-то сдавленнымъ, надтреснутымъ горловымъ голосомъ: «Глоріоритскій,» такъ сильно сдавилъ мнѣ мою руку, что я чуть не закричалъ отъ боли. Отецъ Іакинѣвъ прошелъ впередъ, къ налою, обратился къ кіотѣ съ иконами и прочелъ *Отче Нашъ* и предъобѣденную молитву, затѣмъ благословилъ столъ и словами: «прошу садиться» указалъ мнѣ мѣсто по правую сторону отъ себя.

— Только вы ужъ извините и меня, и нашу почтенную хозяйку Аксинью Семеновну,—началъ онъ,—водки и вина у насъ не водится, а купить ближе десяти верстъ негдѣ, такъ какъ мои прихожане постановили не допускать продажи вина въ своихъ селеніяхъ. Еще Аксинья Семеновна стѣнялась тѣмъ, что мы, благодаря Петрову посту, не ѣдимъ скоромной пищи, но я полагаю, что вы, православный христіанинъ, не будете противъ этого, даже, пожалуй, поблагодарите судьбу за то, что вамъ пришлось недѣлку, другую попостничать?

Я отвѣчалъ, что дѣйствительно съ удовольствіемъ поживу нѣсколько дней старинною русскою жизнью.

Все обѣденное время прошло въ глубокомъ, благоговѣйномъ молчаніи; отецъ Іакинѣвъ, какъ я потомъ узналъ, никогда не разговаривалъ во время ѣды и другимъ не позволялъ разговаривать. Послѣ обѣда, когда всѣ разошлись, отецъ Іакинѣвъ взялъ одинъ изъ большихъ кувшиновъ, стоявшихъ на столѣ, налилъ три стакана домашняго пива, позвалъ Аксинью Семеновну и обратился ко мнѣ съ словами:

— Вотъ Аксинья Семеновна утверждаетъ, что вы не станете пить ея мастерскаго издѣлія, а я вамъ предлагаю выпить этого пива за ваше и ея здоровье.

Мы чокнулись стаканами и отвѣдали превосходнаго сладкаго домашняго пива.

(До слѣд. №).

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.

* * * Какъ чрезъ естественное рожденіе мы дѣлаемся гражданами земли, такъ чрезъ духовное лишь рожденіе можемъ сдѣлаться гражданами неба. Ср. Іоан. 3, 3-5. Іезек. 11, 19 и 36, 26, 27. Псал. 50, 9.

* * * «Вѣра» и «вѣрность»—одного корня слова. Вѣрою (Рим. 1, 17) въ Господа Іисуса, Иску-

напутъ вѣчной жизни; зѣ р н о с т ь ю (Евр. 10, 38) въ служеніи Господу нашему Іисусу,—вѣрностью; несмотря на искушенія и страданія, мы и д е м ь этимъ путемъ, узкимъ, но ведущимъ въ жизнь вѣчную. По мѣрѣ вѣрности возрастаетъ и вѣра наша, а съ нею и упованіе и любовь къ божественному Спасителю нашему, «достигая наконецъ вѣрою спасенія душъ» (1 Петр. 1, 9. Сравни. Ев. Іоан. 3, 16 и 1 Кор. 2, 9). По мѣрѣ же не-

можетъ исчезнуть живая, спасающая вѣра. См. Евр. 10, 38. 39;—1. Тим. 1, 19.—Матѣ. 25, 29. Вѣрою во Христа человекъ воспріимлетъ силу свыше, какъ для побѣды надъ всякимъ искушеніемъ (1 Іоан. 5, 4), такъ и на всякое дѣло благое. (См. Іоан. 15, 5 и 6, 29. Евр. 13, 20. 21).

Н. А.

ревностно дѣйствовалъ противъ раскольниковъ поморскаго толка. Аванасій собралъ обширную библиотечку рукописей для вразумленія поморянъ и написалъ противъ нихъ сочиненіе «Щить вѣры.» Въ Сибирскіе остроги и волости посланъ былъ въ 1688 году іеродіаконъ Михаилъ для борьбы съ расколомъ и въ городѣ Енисейскѣ сдѣланъ былъ игуменомъ монастыря. Въ 1689 году Новоспасскій архимандритъ Игнатій Корсаковъ отправленъ былъ въ Кострому и Кинешму для вразумленія и увѣщанія тамошнихъ раскольниковъ. Казанскій митрополитъ Адрианъ, бывшій послѣ всероссійскимъ патріархомъ, написалъ для своей паствы сочиненіе «о крестномъ знаменіи», противъ раскола. Борьба съ расколомъ велась патріархомъ Іоакимомъ до самой кончины патріарха, которая послѣдовала 17 марта 1690 года.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЗАХОЛУСТІЙ.

Отецъ Іакинѣъ Примусовъ.

(Продолженіе).

ОСЛѢ обѣда мы разговорились, оставшись вдвоемъ и усѣвшись у открытаго окна, со стаканомъ квасу въ рукахъ.

— Да, было время, началъ отецъ Іакинѣъ,— когда и я, подобно зятю моему, сторонился этого напитка, а предпочиталъ ему разныя водки и вина. Что же, былъ молодцу, говорятъ, не укора, и мнѣ, въ юности моей, приходилось-таки покутить съ товарищами сначала въ семинаріи, потомъ въ академіи.

При этихъ словахъ я вскинулъ глаза на моего собесѣдника и только тутъ сообразилъ что на немъ висятъ магистерскій и наперсный кресты. Я хотѣлъ было спросить отца Іакинѣа какъ случилось что онъ, магистръ богословія, человѣкъ науки, очутился на мѣстѣ сельскаго священника. Мой хозяинъ, повидимому, прочелъ въ моихъ глазахъ мой вопросъ, такъ какъ тотчасъ прибавилъ:

— Я знаю, васъ удивляетъ что въ селѣ, въ такой глуши, на границѣ Сибири, вы встрѣчаете сельскаго пона-магистра; не вы первый задаете мнѣ этотъ вопросъ, но вы второй человѣкъ которому я на него отвѣчу, потому что вы мнѣ нравитесь, своею привязанностію къ наукѣ, своими восторгамъ при видѣ стараго могильника, наконецъ, своимъ стремленіемъ въ глушь, въ тущобы, для отысканія научной истины. Вы поддерживаете во мнѣ любовь къ любимому дѣлу, ободряете меня, возвышаете меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Да, я расскажу вамъ мою исторію, расскажу ее въ нѣсколькихъ словахъ.

Я сынъ дьячка одного изъ самыхъ отдаленныхъ и маленькихъ горныхъ заводовъ нашего Уральскаго края; я выросъ среди суровыхъ лѣсистыхъ горъ, среди отвѣсныхъ скалъ, среди быстрыхъ горныхъ потоковъ, среди полудикихъ Башкиръ и Мещеряковъ. Богъ благословилъ моего отца громадною семьей; пока былъ живъ отецъ, имѣвшій хорошія способности къ механикѣ и исправлявшій, кромѣ церковной службы, обязанности главнаго слесаря и механика на заводѣ, мы жили очень хорошо, но со смертію его мы совсѣмъ раззорились, и моя дорогая многострадавшая матушка, пробившись года три, раздала насъ, мальчиковъ, по родственникамъ и училищамъ, оставивъ на сво-

ей шеѣ однѣхъ только дѣвочекъ. Меня пристроили въ духовное училище одного изъ приуральскихъ городовъ; Богъ надѣлилъ меня хорошими способностями, примѣръ матушки научилъ терпѣливому перенесенію обидъ и насмѣшекъ, на которыя не скупился ни учителя, ни товарищи, въ средѣ которыхъ я казался дикаремъ, и пройдя успѣшно курсъ я дошелъ до семинаріи, а потомъ благополучно добрался и до академіи. Рассказывать вамъ мою бурсацкую жизнь и не буду: она и безъ того пріѣлась всеѣмъ читавшимъ русскую литературу шестидесятыхъ годовъ; скажу лишь одно, что все мы смотрѣли на наше будущее поприще какъ на какую-то кару небесную, почему и стремились вырваться изъ своей среды; изъ этого *circulus viciosus*, который извѣстенъ подъ названіемъ кутейницкаго міра. Каюсь, и я не былъ вполне чуждъ этого и считалъ великою гражданскою заслугой ругаться надъ тѣми, кто далъ намъ жизнь и кто воспиталъ насъ, но доброе чувство, привитое ко мнѣ матушкой, не разъ преодолевало то гаерство и зубоскальство, которое мы звали «критическимъ отношеніемъ къ жизни». Но вотъ пришло окончаніе академическаго курса; тѣ немногія изъ товарищей, которые дошли до окончанія, почти все устремились въ Петербургъ, въ университетъ и Медицинскую Академію; Москва и провинціальныя университетскіе города были для насъ слишкомъ отсталы и консервативны. Я долго боролся самъ съ собою; во мнѣ явилось раздвоеніе: съ одной стороны, я жаждалъ новой пищи для ума, я мечталъ о томъ чтобы предаться всеѣмъ моимъ существомъ любимымъ мною математическимъ наукамъ, съ другой, я боялся огорчить мать, желавшую видѣть меня священникомъ, видѣвшую въ этомъ награду за свои труды и лишенія. Я считалъ даже просто нечестнымъ отказываться отъ того пути, на который я, жалкій, голодный, оборванный мальчишка былъ выведенъ благодаря духовной шкѣлѣ и о которомъ я мечталъ въ годы моего дѣтства и ранней юности. Послѣ долгихъ сомнѣній, я рѣшился, и черезъ три недѣли по выпускѣ былъ уже въ нашей губернской консисторіи. Я просился въ наставники семинаріи или духовнаго училища; я мечталъ поучать юношество великимъ математическимъ истинамъ, тѣмъ истинамъ которыя, вытекая изъ созерцанія природы, міра Божія, слагаются въ правильные, гармоничные законы, доказывая колеблющемуся уму человѣческому логичность и стройность созданія десницы Божіей. Увы, молебны мои не были услышаны. Въ то время уже и въ консисторіяхъ относились свысока и съ насмѣшкой къ самимъ себѣ, къ духовенству, а вѣдь вы, навѣрное, знаете какую репутаціей пользуются семинаристы со стороны математическихъ знаній; почтенный протоіерей, членъ консисторіи, выслушавшій мою просьбу, отвѣтилъ мнѣ: «бѣда коль сапоги начнетъ тачать пирожникъ, а пироги печи сапожникъ; предоставьте, молодой человѣкъ, преподаваніе математики университетскимъ воспитанникамъ, бросьте все ваши бредни и поступайте въ приходъ; за васъ, какъ за академика, да еще притомъ магистра, пойдетъ любая невѣста, хоть бы изъ губернскаго города.» Я вернулся съ поникшею головой къ моей матушкѣ; матушка, не понимавшая ни моихъ влеченій, ни моихъ идеаловъ, схватилась и руками и ногами за слова отца протоіерей, и... черезъ недѣлю я былъ обвинчанъ, а черезъ три недѣли уже отправлялъ службу въ одной изъ церквей губернскаго города. Въ сущности я никогда не отклонялся отъ сана священника, я вполне ему сочувствовалъ, даже желая его, но я боялся прихода, страшился мелочныхъ дразгъ и расчетовъ будничной приходской жизни, и потому то я всеѣмъ сердцемъ стремился къ преподавательской дѣятельности. Моя покойная

жена, Татьяна Федоровна, была мнѣ вѣрною и доброю подругой; она вполне раздѣляла мои желанія, восторгалась моими восторгами, горевала моимъ горемъ. Намъ обоимъ не было протора среди городской тѣсноты, мы оба стремились на свободу, ближе къ природѣ, ближе къ ея простымъ сынамъ. Случай скоро представился. Я былъ вызванъ по одному дѣлу къ преосвященному. Въ то время нашею епархіею управлялъ владыка аскетической, безупречно строгой жизни, онъ былъ строгъ къ себѣ, но не менѣе строго требовалъ исполнительности и отъ своихъ подчиненныхъ. Въ приемной я встрѣтилъ нѣсколькихъ убогихъ сельскихъ священнослужителей, пріѣхавшихъ въ епархіальный городъ или по своей нуждѣ, или по вызову владыки; ихъ смиренные, приниженные облики, ихъ робкій шепотъ, ихъ трепеть при каждомъ скрипѣ дверей напомнили мнѣ и моего покойнаго родителя и мою смиренную старушку мать. Я не могъ оторвать глазъ отъ одного убогаго старца священника, судорожно складывавшаго и раскладывавшаго какой-то измятый документъ; смотря на него, я погрузился въ глубокую думу, изъ которой былъ выведенъ стукомъ приближавшихся шаговъ и шумомъ произведеннымъ общимъ вставаніемъ съ мѣста всѣхъ присутствовавшихъ въ приемной. Вошелъ одинъ изъ самыхъ мелкихъ, незначительныхъ чиновниковъ консисторіи, но вошелъ такъ важно и шумно, что сельскіе церковнослужители приняли его за великаго человѣка и поспѣшили встать со своихъ мѣстъ. Чиновничекъ, принявъ строгій видъ, сталъ спрашивать просителей кто они, откуда и зачѣмъ, причѣмъ относился къ бѣднымъ, измученнымъ сельскимъ церковнослужителямъ съ большимъ пренебреженіемъ; онъ называлъ ихъ пьянчужками, ворешками и тому подобными именами, и обратился ко мнѣ какъ священнику губернскаго города, въ ожиданіи, если не утвердительно, то, по меньшей мѣрѣ, сочувственнаго отвѣта. «Не правда ли, отецъ Іакинѣ, спросилъ онъ меня,—вѣдь въ село не пойдеть ни одинъ изъ священниковъ поумнѣе и попорядочнѣе?» Я, огорченный и раздраженный этими словами, отвѣчалъ что я самъ сынъ сельскаго дьячка и что всѣ мои помыслы сосредоточены на жизни въ деревенской глуши, среди простыхъ русскихъ мужиковъ, которые наиболѣе имѣютъ потребности въ христіанскомъ утѣшеніи и наставленіи. Въ это время дверь отворилась и келейникъ позвалъ меня ко владыкѣ. Я вошелъ въ кабинетъ преосвященнаго весь подъ вліяніемъ слышаннаго и прочувствованнаго, и на вопросъ владыки: «Что съ тобой, отецъ Примусовъ, ты, кажется, не въ себѣ», я бросился предъ святѣмъ старцемъ на колѣна; я просился у владыки въ село, въ тихую деревенскую обстановку, я просилъ владыку освободить меня отъ соблазновъ городской приходской жизни. Владыка долго просидѣлъ молча, сложивъ руки на колѣнахъ. «Встань, наконецъ, сказалъ онъ мнѣ, помолимся вмѣстѣ Богу.» Мы прочли молитву, затѣмъ владыка благословилъ меня и сказалъ: «Золотое у тебя сердце, отецъ Іакинѣ, но развѣ можно пресвитеру такъ увлекаться; молодъ ты еще; впрочемъ, испытай свои силы, поживи года три въ селѣ; если не вынесешь, пріѣзжай, найду тебѣ другое мѣсто.» Владыка позвонилъ и на его зовъ явился секретарь. «Иларіонъ Ильичъ, обратился къ нему преосвященный, отецъ Іакинѣ Примусовъ, по состоянію здоровья своего, просится въ сельскій приходъ, какія вакансіи у насъ свободны?» Почтенный старичекъ Иларіонъ Ильичъ посмотрѣлъ на меня тѣмъ взоромъ, которымъ смотрятъ на бѣшеныхъ, даже попытался, точно опасаясь, не укушу ли я его, и сталъ перебирать разные приходы. «А про Грязицево ты развѣ забылъ?» грозно спросилъ преосвященный. «Грязицево, ва-

ше преосвященство, приходъ очень большой, хорошій, не для штрафа...» «Кто же тебѣ сказалъ что я хочу наказывать отца Іакинѣа? я просто забочусь объ его здоровьѣ и исполняю его желаніе.» Затѣмъ владыка обратился ко мнѣ: «Въ Грязицево ты будешь вполне обезпеченъ: тамъ къ церкви приписано 300 десятинъ и нѣтъ дьякона, но ты даешь мнѣ слово, что ты заведешь тамъ школу и школу правильную, основанную на религіозномъ обученіи». Я опустил на колѣна предъ владыкой, поцѣловалъ его руку и получилъ благословеніе. Черезъ мѣсяць мы съ Татьяной Федоровной уже жили въ этомъ домикѣ, а черезъ три мѣсяца насъ было уже трое: Богъ послалъ намъ дочь Марію.

Девять лѣтъ пролетѣли какъ девять дней, продолжалъ о. Іакинѣ, за это время Богъ помогъ мнѣ устроить школу, вотъ она тамъ за церковью, моими просьбами крестьяне воспретили въ приходѣ моемъ содержать кабаки, добрые люди помогли обновить храмъ. Стараніями жены и матушки хозяйство процвѣтало, домъ былъ полная чаша и я благословлялъ имя Господне и былъ вполне счастливъ. Черезъ девять лѣтъ случилась бѣда. Покойница матушка уѣхала навѣстить мою сестру оставшуюся на родинѣ и выданную за одного изъ горныхъ штейгеровъ, а Татьяна Федоровна ожидала приращенія семейства. Какъ-то въ то время, когда она доила корову, на нее кинулся бычокъ и ударилъ ее рогами въ спину. Бѣдную женщину принесли домой запертво; черезъ два часа Богъ далъ мнѣ двухъ дѣвочекъ, которыхъ вы видѣли сегодня за столомъ, и взялъ въ селеніи горній душу моей дорогой, незабвенной подруги. Рассказывать ли вамъ всю глубину горя моего; мнѣ казалось что у меня не осталось ничего въ сей жизни; я молилъ Бога о ниспосланіи мнѣ смерти, я плакалъ, молился, отчаявался, ничто не помогало, ничто не облегчало душевныхъ страданій. Я попробовалъ даже, тутъ отецъ Іакинѣ понизилъ голосъ и потупилъ глаза, запитъ, благо, по мнѣнію многихъ, всѣ сельскіе попы пьяницы, но тутъ-то смилосердовался надо мной Господь, ибо какъ разъ на третій день моего безчинства и малодушія Онъ послалъ мнѣ утѣшеніе въ образѣ моей старушки-матушки, которая, узнавъ о моемъ несчастіи, поспѣшила поскорѣе вернуться и принесла съ собою слова молитвы и утѣшенія. Она, простая, немудрая женщина, оказалась всѣхъ мудрѣе: она напомнила мнѣ о моей страсти, о моей любви къ наукѣ, она открыла среди всякаго старья мои книги, замѣтки, тетрадки, и я сталъ успокоиваться духомъ, сталъ молить Бога о ниспосланіи мнѣ терпѣнія и силъ для благаго продолженія моей жизни. Мало-помалу тяжкая рана закрылась, и вотъ теперь я дѣлю все свое время между служеніемъ Богу и изысканіемъ тѣхъ маленькихъ истинъ, тѣхъ крупицъ великой истины—Бога и его творенія—міра, которыя называются математико-механическими законами. Первое время я еще кое-какъ занимался хозяйствомъ, школой, но вскорѣ Богъ послалъ мнѣ въ лицѣ Аксиньи Семеновны руководительницу моего дѣла; затѣмъ, попеченіе о школѣ перешло въ руки спеціально назначеннаго земствомъ учителя; два года тому назадъ я сдалъ управленіе полемымъ хозяйствомъ своему зятю Глоріоритскому, и теперь кромѣ молитвы обученія дѣтей слову Божию и математикѣ, да своихъ посильныхъ механическихъ изысканій у меня не осталось никакого обязательнаго дѣла.

И дѣйствительно, какъ будто въ доказательство словъ отца Іакинѣа, раздался стукъ въ двери и вошла Аксинья Семеновна со словами: «Батюшка, что же, будешь что ли собирать

что-нибудь у мужиковъ-то, вѣдь уже вторая недѣля Петровокъ идетъ?»

Отецъ Іакинѣвъ улыбнулся широкою улыбкой и отвѣтилъ:

— Чтожь, Семеновна, поѣзжай съ Богомъ.

— То-то поѣзжай, еслибы самъ-то поѣхалъ, развѣ столько бы насбиралъ, а то сидитъ себѣ, прости Господи, увальнемъ, пишеть свою ариеметику, а о томъ что дѣтямъ ѣсть надо, позабылъ совсѣмъ. Нѣтъ, повѣрите-ли, сударь, — обратилась она ко мнѣ, — землю отдалъ зятю, лошадь молодую, двухъ коровъ, быка, все имъ на хуторъ свелъ; полагали что хотя ему за это на пропитаніе зятюшка любезный давать будетъ, а они, прости Господи, еще съ него же послѣднее тянуть, вѣдь еслибы не я, такъ они бы съ дочками съ голоду умерли.

— Ну, полно, полно, Семеновна, вовсе не такъ плохо обстоитъ дѣло, какъ тебѣ кажется, успокаивалъотецъ Іакинѣвъ, — а что безъ тебя я какъ безъ рукъ, такъ это вѣрно.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Троицкій архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицынъ.

X.

ЛЯПУНОВА не стало; патриархъ Гермогенъ находился въ заключеніи, но русскіе люди не унази духомъ. Они знали, что кромѣ этихъ доблестныхъ подвижниковъ и «крѣпкихъ стоятелей за Русскую землю» есть еще и другіе неустрашимые люди — вожди народа Русскаго въ эту мрачную эпоху.

И дѣйствительно, тамъ, въ средоточіи Россіи, если такъ можно выразиться, въ сердцѣ ея, за каменными стѣнами монастырской твердыни, сидѣли два «боголюбивые страдальца за Русскую землю», два смиренныхъ инока — богомольца, два неутомимыхъ труженика!..... Сидѣли они въ темной, тѣсной кельѣ и цѣлые дни и ночи писали свои воззванія и грамоты во все концы Московскаго государства, ко всемъ людямъ православной вѣры, убѣждая ихъ твердо и неусыпно стоять подъ Москвой, не жалѣя живота своего, дабы «избыть съ государства великаго тяготы великія — литовскихъ и польскихъ людей да oprичъ того московскихъ измѣнниковъ — Михайлу Салтыкова да Федуку Андронова.»

Такія воззванія ободряли народный духъ, иногда падавшій подъ гнетомъ ужаснѣйшихъ бѣдствій.

Въ этихъ грамотахъ троицкія власти убѣждали посылать къ Москвѣ ратныхъ людей и доставлять казну въ ополченіе. Когда вѣсть о смерти Ляпунова дошла до Свято-Троицкаго Сергіева монастыря, архимандритъ Діонисій вмѣстѣ съ келаремъ Авраміемъ, хотя и знали истинную причину событій, тѣмъ не менѣе, сознавая всю важность дѣла и святость своей миссіи и не желая разжигать еще бушевавшія страсти, въ грамотѣ своей, отправленной по городамъ отъ 6-го октября 1611-го года, съ похвалою отзывались о казацкомъ воинствѣ, дѣйствовавшемъ подъ Москвою вмѣстѣ съ земскимъ ополченіемъ, о ихъ храбрости и горячемъ желаніи отстоять Русскую землю отъ всякихъ враговъ и супостатовъ, раззорявшихъ ее въ то время.

Желая соединить все силы Русской земли воедино, они призывали города присылать свои ополченія къ казакамъ и дѣйствовать съ ними за-одно противъ поляковъ.

«Видите сами,» — говорилось въ этой грамотѣ, — «что приходитъ намъ конечное раззореніе. Все поругано, обезчещено; безчисленное множество людей по городамъ и селамъ лютыми и горькими муками замучены. Церкви Божіи сожжены; иноки и инокини осквернены и злою смертію животъ свой скончали. Нѣтъ узлодѣевъ пощады и сѣдинамъ многолѣтнихъ богоразумныхъ старцевъ, и красотѣ и юности дѣвъ и юношей вашихъ, и благочестію женъ вашихъ, и сосущимъ молоко матернее рожденнымъ младенцамъ. Все сіе мукамъ, поруганію и оскверненію злодѣйскому подверглось. Горше сія ничто же бысть!..... Сжальтесь надъ нами, надъ нашею погибелю, дабы васъ самихъ не постигла горькая участь!.....»

XI.

Когда Ляпунова убили на казацкой сходкѣ, — въ казацкомъ кругу не было двухъ главныхъ предводителей ихъ: Дмитрія Трубецкаго и Заруцкаго. Присутствіемъ своимъ они не хотѣли показать

какого бы то ни было участія въ злодѣйскомъ преступленіи казаковъ, дабы послѣ не упрекали ихъ въ убіеніи Ляпунова. Но истинное положеніе дѣлъ хорошо было извѣстно всякому.

Между тѣмъ, по убіеніи Ляпунова, казаки взяли верхъ надъ земскимъ войскомъ, и атаманъ Заруцкій, человекъ буйнаго нрава, свирѣпый и безнравственный, смѣло заявилъ на общей сходкѣ, дабы присягали на царство сыну Марины.

Однако патриархъ Гермогенъ и изъ своего тѣснаго заклю-

Привалъ арабовъ у стѣнъ Виллема.

Кочевье Виллеемскихъ арабовъ.

истину только своими силами. Для рационализма, Богъ открывается въ дѣлахъ творенія. Онъ, такъ сказать, отражается въ нашихъ способностяхъ и въ нихъ то мы созерцаемъ большинство Его свойствъ. Будда, Конфуцій, Магометъ, Моисей, Иисусъ Христосъ—не болѣе какъ необыкновенные люди, болѣе другихъ упоенные Богомъ и которыхъ религіозный геній стужалъ говорить о Божествѣ съ болѣею высотой воззрѣній, съ болѣе истиннымъ сознаніемъ Его совершенствъ. Эти великіе люди не могутъ обладать верховнымъ авторитетомъ. Они превзошли своихъ современниковъ, опередили вѣка. Въ свою очередь, они будутъ превзойдены другими людьми, и человѣчество въ своемъ поступательномъ движеніи достигнетъ болѣе высокаго свѣта, нежели свѣтъ, ими распространенный. Это вожди, но вожди, которые могутъ служить только до извѣстнаго времени.

Итакъ для рационализма нѣтъ безусловной истины, нѣтъ религіозной достовѣрности. Сегодняшняя истина перестанетъ быть истиною завтра. Вѣрованія, возбуждшія энтузіазмъ вѣковъ минувшихъ и породившія героизмъ мучениковъ, были лишь оболочкою и высшая мудрость заключается въ сомнѣніи. Нельзя сказать, что Бога нѣтъ, но нельзя также сказать, что Онъ существуетъ. Нельзя утверждать безсмертія души, но нельзя рѣшительно и отрицать его. Вотъ въ настоящее время сумма философскаго сознанія, послѣднее слово рационализма.

Съ подобными утвержденіями, или лучше съ подобнымъ отсутствіемъ утверждений, рационалисты иссушаютъ самые источники жизни и полагаютъ предѣлъ великимъ стремленіямъ души человѣческой. Если Богъ есть непрестанно возрождающееся Существо, или призракъ, всегда убѣгающій предо мною, то я оставляю этого улечивающагося Бога въ облакахъ, изъ которыхъ Онъ не можетъ выйти, и вмѣсто того, чтобы жить въ Немъ и для Него, я замкну себя въ свирѣпый эгоизмъ. Я буду считать бесполезными проявленія великой самоотверженности и великіе подвиги и, лишь бы избѣжать мнѣ порицанія и упрековъ моихъ согражданъ, я буду удовлетворенъ. И вы говорите еще о правдѣ, добродѣтели, поэзіи, религіи, этихъ суетныхъ призракахъ, исчезающихъ какъ и все остальное подъ ножемъ вашей логики?!

Если напротивъ я вѣрую въ Бога, въ чудеса Его милосердія, то не только сердце мое будетъ вкушать глубокую радость, но самое воображеніе мое, охваченное величіемъ Божиимъ, преобразуетъ все. Умъ мой будетъ льстить себя надеждою, что удручающія меня настроенія нѣкогда изгладятся, вѣчные законы правды не будутъ нарушаться безнаказанно, геройское самоотверженіе получить свою мзду и загробная жизнь явится не мрачной ночью, въ которой все низвергается въ бездну, но новымъ домостроительствомъ, гдѣ все будетъ восстановлено. Если я вѣрую въ Бога, то для меня не будетъ никакого затрудненія вѣровать въ мое безсмертіе. Вѣчное Начало, Которое сознаетъ Само Себя и въ Которомъ пребываетъ верховная жизнь, не могло возжечь въ другихъ существахъ жажду вѣчности и не утолить ее. Будучи твореніемъ Божиимъ, дуновеніемъ устъ Его, я существую въ своей несокрушимой хрупкости, и если безмолвные міры, меня окружающіе, могутъ нѣкогда исчезнуть въ общемъ разрушеніи, то, будучи большимъ этихъ міровъ, потому что я мыслю, чего они не дѣлаютъ, и чувствую свое бытіе,—я переживу это разрушеніе, такъ какъ мысль сама по себѣ есть неугасимое пламя.

Вѣровать въ Бога, въ Бога личнаго и живаго, или подвергать сомнѣнію Его бытіе,—вотъ черта, отдѣляющая спиритуализмъ отъ матеріализма.

Не выставя слишкомъ безусловнаго положенія, я однако полагаю, что рационализмъ роковымъ образомъ ведетъ если не къ отрицанію Бога, то по крайней мѣрѣ къ неопредѣленности, равносильной этому отрицанію. Если Богъ не изрекалъ Своего слова, если у насъ нѣтъ Откровенія, которое помогло намъ познать Его, то Богъ останется для нашего ума однимъ лишь оболочкою, неуловимою тѣнью. Мы можемъ помнить Его имя, но лишь несовершенно будемъ знать Его свойства и не сохранимъ того общенія съ Нимъ, которое составляетъ самую сущность религіи и утѣшеніе нашей души. Если Богъ не глаголялъ, то вѣрнымъ останутся слова Паскаля: «Вѣчное безмолвіе безконечныхъ сферъ ужасаетъ меня». Все является ужасомъ для нашего ума, потому что все недостовѣрно.

Если Богъ возглаголялъ, если мы будемъ вѣровать, что Онъ былъ въ общеніи съ людьми, то мы не можемъ колебаться посреди религіи, раздѣляющихъ между собою сочувствіе человѣчества: религія христіанская изъ всѣхъ религіи есть тоже, что солнце въ природѣ. Она собираетъ и созредоточиваетъ въ себѣ всякій свѣтъ, то-есть всякое совершенство. Христосъ неизмѣримо превышаетъ всѣхъ другихъ основателей религіи. Онъ есть тотъ Праведный, Котораго провидѣлъ геній философовъ, воспѣвали поэты, призывали воздыханія человѣчества. Онъ есть тотъ идеаль милосердія, который умиротворяетъ страхъ нашего ума, дозволяя намъ вѣрить въ отпущеніе нашихъ заблужденій. Онъ—сострадательный другъ, одинаково сильный и прійти на помощь всѣмъ несчастнымъ, и пролить слезу надъ всѣми нашими бѣдствіями. Онъ—Тотъ благодѣющій Богъ, Который проскользнулъ въ этой жизни, какъ небесное видѣніе, оставивъ по Себѣ лучезарный слѣдъ Своей любви. Во Христѣ я разумѣю истиннаго Бога, а съ Богомъ и вѣчную жизнь. Если послѣдняя грань философіи есть всеобщее сомнѣніе, то религія даетъ душѣ другія пружины, отвѣчая пожирающей насъ жадѣ достовѣрности.

Если бы рационализмъ могъ когда либо господствовать въ мірѣ, то онъ подвергъ бы опасности будущность человѣчества. Религія породила иногда преступленія, рационализмъ вызвалъ бы всемірное самоубійство.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЗАХОЛУСТІЙ.

Отецъ Іакинѣвъ Примусовъ.

(Окончаніе).

ЕМЕНОВНА вышла на дворъ, гдѣ уже ожидала ее запряженная въ телѣжку лошадка, взяла кнутъ, подвязалась платкомъ, надѣла на голову старую священническую шляпу и поѣхала въ село за сборами.

Я улыбнулся на ея крошечную, комичную фигурку, а отецъ Іакинѣвъ добродушно сказалъ: — Это она всегда такъ дѣлаетъ, по условію съ прихожанами: услышать стукъ колесъ, увидятъ издали старую шляпу, ну и несутъ ей, кто что можетъ.

Тутъ отца Іакинѣва опять потревожили; пришла молодая бабенка, ожидающая ребенка, принесла пятокъ яицъ и попросила батюшку отслужить молебенъ Ефросинѣ-узорѣшительницѣ. Батюшка надѣлъ рясу, взялъ свой жезлъ, вышелъ на крыльцо, позвалъ дьячка, и чрезъ пять минутъ изъ раскрытыхъ оконъ сельскаго храма неслись звуки молитвеннаго пѣнія.

Моя жизнь у отца Іакинѣа шла чрезвычайно ровно и однообразно; утромъ, часа въ четыре, меня будилъ благовѣсть къ заутрени, послѣ которой тотчасъ же слѣдовала литургія, такъ какъ молящіеся съ шести часовъ приступали ко своимъ работамъ на отдаленныхъ отъ села поляхъ и угодьяхъ. Напившись чаю въ обществѣ Аксиньи Семеновны, я сѣлѣ на островъ, куда къ пяти часамъ собирались рабочіе, и производилъ до 12 часовъ раскопки. Къ 12 часамъ на раскопки прѣѣзжалъ отецъ Іакинѣа, давалъ мнѣ отчетъ о своемъ утрѣ и выслушивалъ мой отчетъ; затѣмъ мы садились на телѣжку и отправлялись обѣдать; послѣ обѣда до 2 часовъ полагался отдыхъ, а съ 2 до 7½ мы опять расходились каждый по своему дѣлу; въ 8 часовъ мы ужинали и весь остальной вечеръ, часовъ до 11 или 12, бесѣдовали. И что это были за бесѣды, о чемъ только мы не говорили! Отецъ Іакинѣа читалъ мнѣ свои статьи и замѣтки, ни мало не смущаясь тѣмъ, что я въ математикѣ и механикѣ почти ничего не понимаю; я излагалъ предъ нимъ тѣ выводы, которые, по моему разумѣнію, вытекали изъ произведенныхъ раскопокъ; затѣмъ разговоръ переходилъ на методы изслѣдованій, на совершенства и преимущества той или другой философской школы, словомъ, не было предмета, котораго бы мы не коснулись въ нашихъ разговорахъ. Отецъ Іакинѣа и въ наукѣ и въ философіи былъ представителемъ точнаго, серьезнаго анализа. Онъ не признавалъ стремленій нѣкоторыхъ представителей современныхъ математическихъ наукъ къ синтезу и восторгался особенно математиками и теоретиками старой школы: Ньютонъ, Декартъ, Паскаль, Лезерье, Гершель, Гаусъ. — вотъ были его излюбленные авторы. Что касается философіи отца Іакинѣа, то его міровоззрѣніе вполне основывалось на Словѣ Божіемъ, онъ былъ по преимуществу, такъ сказать, философомъ христіанства. Будучи знакомъ основательно съ ученіями туманныхъ философовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, со школами позитивистовъ и отрицателей, отецъ Іакинѣа страшно ополчался противъ отрицателей. «Вѣдь вы думаете же человѣкъ, — говорилъ онъ про Фейербаха, — такую чепуху, — религія де образовалась подъ давленіемъ чувства страха: это наша то религія мира и любви, религія божественнаго самоотверженія, религія принесенія себя въ жертву за грѣхи человечества?! Нѣтъ, этого человѣка нельзя называть ни хулителемъ, ни отрицателемъ, онъ просто безумецъ.» Иногда, воодушевившись, отецъ Іакинѣа доставалъ изъ шкафа или сундука какую-нибудь книгу и читалъ изъ нея выдержки. Прекрасный знатокъ теоріи французскаго и нѣмецкаго языковъ, онъ читалъ на нихъ весьма свободно, но выговаривалъ ихъ какъ латинскій языкъ, вслѣдствіе чего неоднократно, желая разъяснить свою мысль, лишь запутывалъ ее своимъ чтеніемъ еще болѣе. Я никогда не забуду его удивленія, когда онъ принесъ мнѣ одну изъ своихъ брошюръ, напечатанную по-французски, и, прочтя скороговоркой ея заглавіе *Communication faite par le reverend père Hyacinthe Primoussoff* (Communication faite par le reverend père Hyacinthe Primoussoff), увидаль на моемъ лицѣ изумленіе и недоумѣніе. Когда я сказалъ ему, что французскія слова выговариваются иначе, то онъ ударилъ себя по лбу и сказалъ: «И то, я вѣдь, въ своемъ уединеніи, совсѣмъ позабылъ, что выговоръ иной, а я, не зная французской практики, такъ привыкъ къ своему самодѣльному выговору, что полагалъ было его правильнымъ.»

Когда спалъ отецъ Іакинѣа, это являлось для меня загадкой. Узнавъ отъ меня, что я оставилъ въ Москвѣ невѣсту, онъ каждое утро, отходя къ заутрени, оставлялъ мнѣ что-либо ее напоминающее: или я находилъ на своемъ столѣ акростихъ

въ честь моей невѣсты, или карточка ея оказывалась вставленною въ хорошенькую самодѣльную рамочку; однажды маленькое четвероевангеліе, лежавшее на полкѣ вмѣстѣ съ другими книгами, оказалось переплетеннымъ въ хорошенькій переплетъ изъ орѣховой фанерки съ крестами на обѣихъ сторонахъ, и на первой страницѣ его было написано: «будущей другъ тяжелаго жизненнаго пути моего друга Ю. Н., дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь.»

Моя работа приходила къ концу, я уже заколотилъ ящики съ найденными предметами и отправилъ ихъ на подводахъ въ ближайшій городъ; черезъ день я долженъ былъ ѣхать обратно. Отецъ Іакинѣа сталъ задумчивѣе и менѣе разговорчивъ. Вечеромъ онъ сказалъ мнѣ:

— Не можете представить, милый другъ мой, какъ тяжело оставаться вновь надолго, быть-можетъ навсегда, одному со своими думами, со своими размышленіями, перерабатывать въ себѣ все чувствуемое и видимое. Не можете представить себѣ всю сладость выхода изъ этого одиночества, всю прелесть нравственнаго отдохновенія во время бесѣды съ человекомъ одинаково склоннымъ къ размышленію и обобщенію. Вы доставили мнѣ усладу, потому я и считаю васъ моимъ лучшимъ, дражайшимъ другомъ.

Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки, я обнялъ его и мы крѣпко, крѣпко расцѣловались. Я говорилъ, что мы можемъ переписываться, обмѣниваться мыслями, но отецъ Іакинѣа грустно покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Не мастеръ я на бумагѣ душу свою открывать, а о томъ, живъ ли я и здоровъ ли, описывать постараюсь.

Въ день отъѣзда отецъ Іакинѣа разбудилъ меня очень рано и потребовалъ, чтобы я прослушалъ заутреню, а затѣмъ обѣдню. Послѣ обѣдни мы втроемъ (дѣти отца Іакинѣа были на хуторѣ) плотно позавтракали, посидѣли, помолились, затѣмъ опять отправились въ церковь, гдѣ отецъ Іакинѣа отслужилъ напутственный молебенъ, осѣнилъ меня крестомъ, и съ надѣтою епитрахилью, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ на церковную паперть, около которой уже дожидались лошади. Осѣнивъ меня еще разъ крестомъ, отецъ Іакинѣа вынулъ изъ кармана образокъ, надѣлъ его мнѣ на шею, вручилъ мнѣ на память небольшую Библію, поцѣловалъ и со словами «будь здоровъ, храни тебя Богъ» сдѣлалъ знакъ къ отъѣзду.

Я быстро вскочилъ въ тарантасъ, обернулся и увидѣлъ въ дверяхъ храма высокую сутуловатую фигуру отца Іакинѣа, дѣлавшаго мнѣ во слѣдъ крестомъ крестное знаменіе; по щекамъ его катились слезы.

Вернувшись въ Москву, я скоро женился и черезъ день послѣ свадьбы мы оба съ женой написали письмо къ отцу Іакинѣа, въ которомъ увѣдомляли о нашемъ счастьѣ, прося благословенія на предстоящую жизнь. Въ отвѣтъ на это мы получили слѣдующее краткое письмо:

«Дорогіе друзья мои, — писать красно не умѣю. Благословляю и желаю полнаго земнаго и небснаго спасенія. Когда будутъ дѣти, пишите. Помните, что за васъ ежедневно возносить Богу молитвы извѣстный вамъ Грязищевскій отшельникъ.»

«P. S. Каждые три года буду присылать свою фотографію, о чемъ прошу и васъ.»

И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я получилъ двѣ фотографіи отца Іакинѣа съ краткою припиской: «Благословляю и молюсь». Къ послѣдней карточкѣ было приписано еще: «27 января Богъ послалъ внука Симеона, 29 выдалъ дочь Сарру за Николая Боговидова, нынѣ діакона городского собора.»

(Моск. Вид.)

Ю. Н.

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.

Кто говоритъ, тотъ сѣетъ, кто слушаетъ, тотъ собираетъ. — (Древняя поговорка).

Молиться во имя Христа значитъ молить Отца Небснаго услышать насъ ради заслугъ и предстательства возлюбленнаго Сына Его, Ходатая нашего (Ев. Іоан. 14, 13 и 15, 16. — 1 Іоан. 2, 1. — Евр. 9, 15. — 1 Тим. 2, 5, 6). «Тотъ, Который Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ, какъ съ Нимъ не даруетъ намъ и всего,» поясняетъ Апостолъ (Рим. 8, 32), — всего согласнаго, конечно, съ волею Его (1 Іоан. 5, 14); а воля Его — спасеніе наше (1 Тим. 4, 10 и 1, 15).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Русская церковная лѣтопись.

Назначенія по духовному вѣдомству. — Ректоръ Подольской дух. семинаріи, арх. Антоній, назначенъ епископомъ Новгородсѣверскимъ, викаріемъ Черниговской епархіи, а настоятель Московскаго Симонова монастыря, преосв. Іоаннъ, бывший Алеутскій и Аляскій, — епископомъ Аксайскимъ, викаріемъ Донской епархіи.

Святогорскій смитъ. — 21 августа состоялось торжественное освященіе храма въ Спасовомъ Святогорскомъ скиту, устроенномъ на мѣстѣ круше-

нія Императорскаго поѣзда, въ память чуда 17 октября. Особые поѣзда доставляли молящихся къ скиту. Масса крестьянъ прибыла на подводахъ и пѣшкомъ; общее число всѣхъ собравшихся свыше 20,000. Богослуженіе совершалъ архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Амвросій, въ сослуженіи епископа Владикавказскаго Петра, настоятеля Святогорскаго монастыря архимандрита Германа, городского и сельскаго духовенства, въ присутствіи оберъ-прокурора Св. Синода, министра путей сообщенія, управляющаго канцеляріей Св. Синода, начальника Харьковской губерніи, вице-губернатора, губернскаго и уѣздныхъ предводителей, городского головы,

и ноги стали подкашиваться. Между тѣмъ грязная кучка евреевъ стала приближаться къ Лизѣ. Бѣжать и скрыться гдѣ нибудь было первою ея мыслью. Но гдѣ? Кругомъ только заборы и ни одного дома.

— А, это ты, отступница! заговорилъ старый жидъ, дальній родственникъ Рахили. Ну какъ поживаешь, проклятая Христианка, избѣнившая вѣрѣ своихъ отцовъ?..

Всѣ евреи съ ожесточеніемъ напали на бѣдную дѣвушку и стали ее бить. Елизавета упала безъ чувствъ и когда пришла въ себя, то очутилась запертою въ какой-то неизвѣстной ей комнатѣ во второмъ этажѣ. Шляпки, кофты и зонтика при ней не оказалось. При видѣ своего заключенія она горько заплакала, но потомъ, павъ на колѣни, стала горячо молиться Богу и Пресвятой Богородицѣ, и молитва возвратила ей крѣпость тѣлесную и бодрость духа. Подойдя къ окну, она вскорѣ убѣдилась, что его легко отворить. Былъ уже десятый часъ вечера. Лиза открыла окно. Но какъ спуститься со втораго этажа? По счастью, по близости была водосточная труба и плоская крыша. Елизавета перекрестилась, стала осторожно спускаться по водосточной трубѣ и стала на землю, побѣжала прямо, безъ оглядки, и остановилась только у стѣны женскаго монастыря.

Рѣшетка была уже заперта, но, просунувъ сквозь нее руку, Лиза поймала веревку и ударила въ колоколь. На звонъ ея приближало нѣсколько монахинь, которымъ Лиза и рассказала обо всемъ съ нею случившемся и какъ она случайно подверглась преслѣдованію евреевъ, посадившихъ ее въ маленькую комнатку при синагогѣ, съ цѣлью подвергнуть ее пыткамъ и быть можетъ лишить ее жизни, и какъ Господь чудесно спасъ ее отъ страшной опасности. Монахини накормили и напоили бѣдную дѣвушку и отвели къ настоятельницѣ, которая приняла ее очень ласково и оставила у себя ночевать.

На другое утро Лизу отвезла настоятельница къ Сладковольскимъ. Добрые люди такъ обрадовались, узнавъ объ этомъ по возвращеніи домой, что сдѣлали цѣнный вкладъ въ монастырь за чудное спасеніе Елизаветы отъ злодѣйской шайки евреевъ. Всѣ радовались и поздравляли Елизавету.

Вскорѣ возвратилась и Маша изъ деревни. Тетка ее умерла, оставивъ ей большой капиталъ, который Маша подѣлила съ братомъ и съ Елизаветою.

Теперь Маша и Лиза обѣ замужемъ, у обѣихъ есть дѣти. Свадьба обѣихъ подругъ была въ одинъ и тотъ же день и въ одной и той же церкви.

А. Ж.

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ.

Слово Божіе, вѣрою принимаемое и въ сердцахъ хранимое, возраждаетъ человѣка къ новой жизни. 1 Петр. 1, 23. Иоан. 15, 3, 7 и 17, 7, 17.—Евр. 4, 12.—Рим. 1, 16.

Каждый дѣйствуетъ, мыслить, чувствуетъ, говоритъ подъ влияніемъ живущаго въ немъ грѣха,—того или другаго, ему въ особенности присущаго. Отсюда столкновения, раздраженіе, ссоры. Смирненіе, снисхожденіе, терпѣніе, какъ плоды истинной любви, предупреждаютъ столкновения ея въ послѣдствіяхъ или останавливаютъ ихъ въ самомъ началѣ. Больше любви! „Все у васъ да будетъ съ любовію,“ увѣщаетъ Апостоль (1 Кор. 16, 14). „Носите бремена другъ друга (Галат. 6, 2). „Исправляйте въ духѣ кротости“ (Гал. 6, 1).

Н. А.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Вѣсти изъ-за границы.

Возобновленіе православнаго храма въ Сан-Франциско. Въ „Русскомъ Паломникѣ“ своевременно было сообщено о страшномъ несчастіи, постигшемъ русскую православную церковь въ Сан-Франциско.

9-го мая сего 1889 года, въ 2 часа ночи,—произошелъ пожаръ архіерейскаго дома. Преосвященный пробужденъ тогда былъ первымъ удушливымъ дымомъ и нестерпимымъ жаромъ и увидѣлъ пламя, врывающееся изъ окошка соседней съ его кабинетомъ доменной каедральной церкви. Преосвященный едва успѣлъ выскочить, не успѣвъ надѣть верхняго платья и сапоговъ, сквозь горѣвшій уже корридоръ громаднаго трехъ этажнаго каменнаго зданія въ нижній этажъ, съ обжогамъ среди падавшихъ бревенъ и сыпавшихся стеклъ лопнувшихъ потолочныхъ оконъ. Игуменъ Георгій упалъ было въ пламя и едва спасся отъ смерти съ большими обжогамъ, прочіе 31 обитатель архіерейскаго дома, клирики и ученики, спасались въ окна по лѣстницамъ и заборамъ. Причина пожара до сихъ поръ достоверно неизвѣстна. Церковь совершенно сгорѣла внутри, стѣны только остались, весь домъ значительно обгорѣлъ. Съ мая до сего времени т. е. до 1-го октября все время проведено было преосвященнымъ въ хлопотахъ о возсозданіи дома и церкви, безъ разорительнаго для церкви подряда, хозяй-

ственнымъ способомъ, на страховыя деньги и на собственные его средства за недостаточности страховыхъ. При этой перестройкѣ, къ прежнему зданію трехъэтажнаго каменнаго дома прибавлено еще два этажа башень для колоколовъ, съ семью голубыми, усѣянными звѣздами куполами, увѣчанными крестами. Архитектура такъ понравилась американцамъ, что они въ печати назвали нашу новую церковь „гордостію сѣверной половины Сан-Франциско“. Для нихъ русская архитектура составляетъ явленіе необычное и проходящія толпы города съ 500 тысячнымъ населеніемъ, невольно останавливаясь, заглядываются на нее, тѣмъ болѣе, что церковь на людномъ мѣстѣ города, на обширной площади противъ Вашингтонова парка, гдѣ желѣзныя дороги по соседнимъ улицамъ расходятся въ 8 направленіяхъ и гдѣ ее видно издали.

Въ день Покрова Божіей Матери послѣдовало освященіе вновь устроенной церкви во имя св. Василія Великаго. Внутренность ея украшена голубымъ съ золотой рѣзью иконостасомъ, стѣны росписаны красивыми рамами для библейскихъ изображеній и фресками въ церковномъ стилѣ, потолокъ небснаго цвѣта усѣянъ звѣздами; надъ алтаремъ паритъ изображеніе Духа Святаго въ видѣ голубя въ сіяніи; посреднѣ церкви всевидящее Око въ звѣздномъ ореолѣ; тамъ же по другимъ мѣстамъ потолка изображены шестокрылые серафимы и херувимы.—Надъ хорами—летающій ангелъ надъ моремъ, землею, городомъ, солнцемъ, съ вѣчнымъ евангелиемъ въ рукахъ. Посреднѣ потолка находится большой стеклянный разноцвѣтный куполь съ изображеніемъ св. Креста въ сіяніи. Въ алтарѣ надъ престоломъ въ 6-ти окнахъ двухъ этажей, каждое длиною въ 5 аршинъ, помѣщены большія иконы Христа Вседержителя въ первосвященнической одеждѣ на верху; Христа учащаго „Азъ есмь альфа и омега, начало и конецъ“ внизу. На правой и лѣвой сторонѣ Христа Вседержителя, свѣтятся сквозь стекла двухъ оконъ лики ангеловъ, возвѣщающихъ трубнымъ звукомъ славу Божію; по боковымъ окнамъ Христа учащаго, внизу, помѣщены св. Апостоль Петръ и св. Апостоль Іоаннь Богословъ. Всѣ сии шесть иконъ выше человѣческаго роста и прозрачны сквозь стекло, что придаетъ всей церкви освѣщеніе мягкое и благолѣпное. Въ остальныхъ восьми боковыхъ окнахъ церкви помѣщены на стеклѣ св. Апостолы и мученики и ни одного стекла нѣтъ

простаго. Полъ устланъ прекраснымъ голубымъ ковромъ, какъ въ алтарѣ, такъ и въ церкви, по американскому обычаю.

Въ главной здѣшней газетѣ Chronicle помѣщено описаніе освященія церкви подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Освященіе церкви. Трогательное Богослуженіе въ русско-греческой церкви. Восточный видъ зданія архіерейскаго дома и храма“. Вотъ что сказано въ этой статьѣ:

„Русская церковь въ этомъ городѣ сильно поврежденная огнемъ четыре мѣсяца тому назадъ, нынѣ вновь возсоздана. Внутри церкви устроены новый алтарь и новый иконостасъ. Стѣны и потолокъ росписаны фресками, въ окна вставлены живописныя стекла, полъ устланъ ковромъ. Общій колоритъ повсюду свѣтло-голубой. Нѣкоторыя фрески разныхъ цвѣтовъ въ готическомъ стилѣ, потолокъ усѣянъ звѣздами и фресками ангеловъ и разныхъ символическихъ изображеній греческой церкви.

„Вчера (1/2 октября), ради открытія церкви для богослуженія, были совершены особыя для этого службы. Въ 6 1/2 утра происходило освященіе церкви, на которомъ присутствовали не многіе только христіане, кромѣ клириковъ. Сею службою зданіе торжественно посвящено было Богу и ходатайству св. Василія Великаго. Въ 9 1/2 часовъ утра была совершена торжественная литургія, а послѣ нее благодарственный молебенъ съ пѣніемъ: Тебе Бога хвалимъ, Боршнянскаго. Богослуженіе совершалъ епископъ Владиміръ съ двумя пресвитерами, однимъ, іеродіакономъ, двумя иподіаконами, нѣсколькими аколитами, при пѣніи большаго хора пѣвчихъ. Литургія была Іоанна Златоустаго, которая, какъ видно, особенно богата содержаніемъ и полнотою во всѣхъ частностяхъ. Музыка пѣвческаго хора звучала весьма древними мотивами, непривычными нашему уху. „Тебе Бога хвалимъ“ хотя тоже казалось древнимъ, но музыка его болѣе приспособлена къ нашимъ современнымъ вкусамъ. Всѣ церковники были въ парадныхъ богослужебныхъ одеждахъ. На епископѣ было тяжелое серебряное облаченіе, вышитое золотыми крестами и окаймленное металлическими лентами и золотой бахромой. На священникахъ были голубыя ризы съ вышитыми серебромъ оплечьями и крестомъ на нихъ съ сіяніемъ, на діаконѣ и иподіаконахъ были стихари золотые съ вышитыми оплечьями. Пѣвчіе были одѣты въ голубые, а исползачики въ бѣлые стихари. Впечатленіе этого богослужебнаго богатства на насъ было необычайное и весь

надлежа къ русскимъ православнымъ переселенцамъ и нося русскія имена, люди эти забыли родной языкъ и одинаково исполняютъ какъ православные, такъ и лютеранскіе обряды. Въ настоящее время значительное число полувѣрцевъ поручено опытнымъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ священникамъ. 15-го сего августа пресвященный Арсеній совершитъ торжественное богослуженіе въ Пюхтицѣ, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери. Въ этотъ день на Богородичной горѣ бываетъ громадное стеченіе народа; сюда являются массы православные, полувѣрцы и даже лютеране. Празднество предполагается обставить особенною торжественностью.

Изъ міра раскола.—10 іюля, ночью, въ Москвѣ, въ квартирѣ раскольника, крестьянина Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, деревни Авсеревой, Гавриила Панфилова, чинами сыскаго и мѣстной полиціи произведенъ былъ внезапный обыскъ, гдѣ найдена тайная типографія для печатанія раскольниковыхъ книгъ старо-поморскаго согласія безпоповщинскаго толка. Отобраны первобытныя печатныя станокъ, деревянные рамы съ вырѣзаннымъ на нихъ текстомъ, валики для растиранія краски и другія типографскія принадлежности, а также болѣе 900 листовъ текста, разныя книги, картины, напечатанныя безъ разрѣшенія цензуры, и множество вѣщичковъ для покойниковъ. Раскольникъ этотъ судился уже въ 1877 году за подобное же преступленіе и былъ приговоренъ къ шестинедѣльному аресту при полиціи. Онъ, разбѣгая по деревнямъ и торгуя раскольниковыми книгами, именовался Василиемъ Ивановымъ.

Некрологъ.—8 іюля, послѣ продолжительной болѣзни, мирно скончался высокопр. Іоаннъ, бывшій арх. Полтавскій и Переяславскій, жившій на покой въ Полтавскомъ архіерейскомъ домѣ. Биографія и портретъ почившаго святителя, въ свое время много потрудившагося на пользу Церкви, помѣщены въ № 35 „Паломника“ за 1886 годъ.

Лѣтопись чудесъ и знаменій.

Наказаніе за неуваженіе къ св. иконѣ.—Въ г. Вязьмѣ недавно имѣлъ мѣсто слѣдующій случай явнаго наказанія Божія за неуваженіе къ иконѣ Царицѣ Небесной. Іеромонахъ мѣстнаго монастыря ходилъ съ св. иконою Божіей Матери и служилъ въ домахъ предъ нею молебны. Привожающій Петропавловской церкви, богатый и благочестивый купецъ Сырѣльщиковъ, упросилъ іеромонаха оставить св. икону у него въ домѣ на ночь. Тогда былъ праздничный вечеръ. Рабочіе купца, взявши гармонию, вышли съ нею на улицу и предъ окнами, гдѣ стояла икона, заиграли на гармоніи и хотѣли плясать. Хозяйка дома строго сказала играющему, чтобы онъ сейчасъ прекратилъ игру. Но онъ легкомысленно отвѣчалъ: какую такую икону и за что я буду уважать?—и потомъ тутъ-же началъ усиленно играть и плясать. Послѣднее онъ исполнялъ даже съ необыкновеннымъ усердіемъ, изо всѣхъ силъ подсакивая и притопывая ногами. Но онъ не долго дѣлалъ то и другое: онъ вдругъ оступился и сломалъ ногу. Быстро цѣлое широкое голенище его мужицкаго сапога наполнилось кровью; пришлось его разрѣзать, чтобы снять съ ноги сапогъ; крестьянина отвезли въ больницу. Тамъ не пролежалъ онъ и 3 недѣли и въ началѣ іюля умеръ отъ антонова огня, поразившаго ногу. Это печальное событіе едва ли не всему городу Вязьмѣ извѣстно.

Лѣтопись православнаго Востока.

Вѣсти изъ Палестины.—Блаженнѣйшій патріархъ Никодимъ ѣздилъ на дняхъ въ Яффу, гдѣ остановился въ русскомъ саду у о. архимандрита Антонина. Въ это время и въ этомъ мѣстѣ т. е. въ русскомъ саду была совершена свадьба извѣстнаго своею дѣятельностью драгомана Русской Духовной Миссіи, Якуба Халеби. Обрядъ вѣчанія совершалъ патріархъ соборне въ сослуженіи о. архимандрита Антонина и мѣстнаго духовенства. На этомъ торжествѣ присутствовали: Іерусалимскій ген.-губернаторъ, Яффскій губернаторъ, Іерусалимскій, генеральный Русскій консулъ и почти всѣ Яффскіе жители.

. Въ русскомъ саду въ Яффѣ нынѣ строится на средства высокоуважаемаго о. архимандрита Антонина русская церковь во имя Св. Ап. Петра и Павла; строится она мѣстными мастерами и изъ мѣстнаго матеріала и стоитъ на живописной горѣ, откуда видны: городъ, всѣ Яффскіе сады и ближайшія окрестности.

. Новый врагъ православія явился въ Палестинѣ: епископъ Гренобльскій, возвратившійся изъ Рима, куда онъ былъ вызванъ папой, принявъ важный постъ патріарха Іерусалимскаго, оставившійся вакантнымъ со времени смерти латинскаго патріарха Викентія Бракло. Это извѣстіе произведетъ глубокое впечатлѣніе на французовъ въ Святой Землѣ. Въ первый еще разъ французскій прелатъ займетъ это мѣсто, до сихъ поръ постоянно предоставлявшееся итальянскимъ прелатамъ.

Вѣсти изъ Болгаріи.—Слѣдующій любопытный фактъ сообщается въ письмѣ изъ Константинополя. До времени освобожденія Болгаріи едва ли бывали случаи принятія мусульманами христіанскую вѣру 1.795 мусульманъ, 10 евреевъ и 8 инославныхъ христіанъ. Изъ 1.795 мусульманъ, принявшихъ христіанство, 1.435 приходится на Видинскую епархію, гдѣ митрополитомъ былъ покойный первый болгарскій экзархъ Аноимъ.

. Фердинандъ Кобургскій недавно сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы высокопресвященный митрополитъ Климентъ встрѣтилъ его пріѣздъ со всѣмъ торжествомъ. Высокопресвященный Климентъ отказался исполнить это требованіе и, по приказанію Кобурга, былъ арестованъ жандармами. Арестъ производился слѣдующимъ образомъ: Митрополія находится въ части Софіи, называемой „Дольная Махилки“. Поздней ночью 20 жандармовъ окружили домъ митрополита; одинъ изъ нихъ, ничего не говоря пораженной прислугѣ, вошелъ въ спальню высокопресвященнаго и приказалъ ему одѣться. Безропотно одѣвшись, встревоженный митрополитъ прошелъ, окруженный жандармами, до кареты. Его препроводили въ Систовъ. Жители Софіи ничего не знали о происшедшемъ и только на другой день были посвящены небывалымъ поступкомъ зазнавагося Кобурга. Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли подать коллективную петицію объ освобожденіи митрополита, но всѣ инициаторы этого дѣла были задержаны и арестованы. Въ городѣ происходитъ масса арестовъ; многія вліятельныя лица задержаны.

Первые колокола при церквахъ на Западѣ введены въ употребленіе въ концѣ VI в. Изобрѣтеніе колоколовъ приписываютъ Павлину, епископу Нольскому, что въ Кампаніи; думаютъ, что отъ этого и произошло латинское ихъ названіе Campana и Nola; во Франціи они введены съ 550 г. Въ XI в. построены въ Аугсбургѣ при главномъ соборѣ двѣ колокольни, и на нихъ повѣшены два большихъ колокола. Въ Парижѣ при церкви Богоматери повѣшенъ большой коло-

коль въ 1680 году; онъ имѣлъ въ окружности 25 футовъ и вѣсилъ 310 центнеровъ. Но вылитый въ Вѣнѣ въ 1711 году вѣсилъ 334 центнера; одинъ языкъ его въ 8 центнеровъ и въ длину 9 футовъ. Величайшимъ колоколомъ въ Австріи считается ольмоуцкій; вѣсъ его 358 центнеровъ.

Изъ прошлаго.

Изъ жизни Митрополита Филарета Московскаго*). Въ время святителя Москопомытнаго Филарета, митрополита Московскаго, при существованіи еще крѣпостнаго права, въ одно село, гдѣ особенно былъ своенравный помѣщикъ-владѣлецъ, переведенъ былъ изъ другого села заслуженный священникъ, лично знаемый Владыкою. Въ первое свое служеніе въ этомъ селѣ, въ какой-то праздникъ, когда въ церковь собралось много народа и прибылъ помѣщикъ, новый батюшка послѣ обѣдни сталъ произносить вступительное слово. Въ поученіи, можетъ быть немногорѣзкомъ, что-то не понравилось помѣщику, который, по обыкновенію, стоялъ впереди всѣхъ, предъ самымъ амвономъ. Помѣщикъ не выдержалъ и со словомъ: „болванъ“, кинутомъ громко, на всю церковь по направленію къ батюшкѣ, спѣшно, въ возбужденномъ состояніи, вышелъ изъ церкви. Народъ сильно смутился, но батюшка спокойно кончилъ поученіе и службу.

Насталъ Троицкій день, храмовой праздникъ въ этомъ селѣ. Батюшка велѣлъ служить совершать такъ: звонить въ малый колоколъ,—постомъ, пѣть тоже по великопостному и какъ облачился въ черныя священныя одежды, однимъ словомъ въ Троицкій день совершалась великопостная служба къ удивленію всѣхъ.

Кончилась служба, помѣщикъ съ семействомъ приложился ко кресту и отошелъ въ сторону въ ожиданіи молебна.

Народъ между тѣмъ подходилъ ко кресту и нѣкоторые спросили батюшку: что значитъ такая служба и въ такой праздникъ?

— „Какъ-же церкви радоваться въ такой праздникъ, когда служитель ея оскорбленъ этимъ дерзкимъ челоуѣкомъ?“ громко сказалъ батюшка, указывая на помѣщика. Тотъ, какъ ошпаренный, выбѣжалъ изъ церкви и подалъ жалобу на священника, Митрополиту Филарету, найдя дѣйствіе священника правильнымъ, своими убѣжденіями сдѣлалъ помѣщика другомъ священнику.

(Сообщилъ Порѣцкій священникъ Василій Петровъ).

ПОЖЕРТВОВАНІЯ. Въ Іерусалимѣ на Гробъ Господень отъ крестьянки Евдокии Стороужковой 10 р. На Авонъ на устройство болѣе нуждающейся церкви отъ К. Павпертова 25 р. На церковь Фроловскаго погоста отъ генераль-маіора Владимира 25 р. Отъ него же за трудъ поминанія священнику 5 р. Въ пользу погорѣвшихъ с. Вязки, Лужскаго уѣзда, отъ свящ. Ѳ. Ѳаворскаго 5 р.

Отъ г. Жилкинскаго: Въ Іерусалимѣ на плащаницу Гроба Господня, на церковь въ г. Мезень Арханг. губ., на церковь Фроловскаго погоста, на церковь с. Коробина и на церковь с. Абашева по одному рублю, всего 5 р.

* Этотъ случай передавалъ о. Петровъ покойнаго псаломщика церкви Московскаго губернаторскаго дома И. П. Колоколовъ. Кажется этотъ случай былъ съ кѣмъ-то изъ предковъ И. П. Кол.—ва. Къ сожалѣнію о. Петровъ позабылъ совершенно именъ о. іерея и названіе села, упоминаемыхъ въ этомъ рассказѣ.